

ИСТОРИЯ

УДК 327(47)(09)

DOI 10.52452/19931778_2022_3_7

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

© 2022 г.

С.В. Бушueva, М.И. Струкова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

bushueva-s@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.06.2022

На основе свидетельств современников, очевидцев и участников событий выявлено влияние позиции высшего руководства самодержавной России в лице государей-императоров на принятие решений в области ближневосточной политики во второй половине XIX в. и его неоднозначные последствия для российских интересов в регионе.

Ключевые слова: ближневосточная политика России, межгосударственные противоречия, «Восточный вопрос», личностный фактор в принятии внешнеполитических решений.

Политика Российской империи на Ближнем Востоке во второй половине XIX в., включая весь комплекс межгосударственных противоречий, возникших в контексте разрешения «Восточного вопроса», до настоящего времени привлекает внимание исследователей. Это объясняется тем, что современная ситуация в ближневосточном регионе в целом ряде аспектов является отражением исторически сложившихся геополитических устремлений ведущих стран Европы и Азии, включая Россию, попытки практической реализации которых пришлось на указанный период позапрошлого века. В этой связи обращение к документам внешней политики российского царского правительства и свидетельствам непосредственных участников событий того времени представляется весьма актуальным в научном плане, так как позволяет более предметно представить процесс принятия внешнеполитических решений и выявить определяющие факторы, повлиявшие на выбор приоритетов в этой области. Для более глубокого понимания особенностей российской ближневосточной политики второй половины XIX в. особую ценность представляют документы и свидетельства, отражающие позицию по этому вопросу высшего руководства государства в лице российских императоров – Николая I, Александра II, Александра III и Николая II, годы правления которых частично или полностью пришлось на рассматриваемый хронологический период. Несмотря на мнения и рекоменда-

ции министров иностранных дел и представителей дипломатического корпуса, именно позиция государя-императора была главной и определяющей при принятии решений в области внешней политики, что в конечном итоге отражалось на её результатах.

Середина XIX века для России была омрачена катастрофой поражения в Крымской войне. До настоящего времени у историков существует много вопросов к российской внешней политике того периода, и прежде всего к позиции и действиям высшего руководства страны, которое оказалось не готово к такому развитию событий. Складывается впечатление, что Николай I недооценил те изменения, которые произошли в международной обстановке после Венского конгресса 1815 г., определившего систему межгосударственных отношений в результате разгрома наполеоновской Франции. Возможно, этой недооценке способствовали успешные войны с Османской Турцией со времён Екатерины II и выход к черноморскому побережью, следствием чего явилось укрепление позиции России как морской державы. В отношениях с Портой существовали определённые проблемы, в первую очередь связанные с российской поддержкой освободительного движения на Балканах. Но Адрианопольский мир 1829 г. в очередной раз показал слабость султанского правительства и рисовал перспективы дальнейшего ослабления турецкой империи, Ункяр-Искелесийский военно-политический союз между Россией и

Турцией, оформленный 26 июня 1833 года, также подтверждал российское военное превосходство. Возможно, последующее участие России в коллективной акции европейских держав по усмирению восставшего против власти султана Мухаммеда-Али Египетского в 1840 г. и последовавшее вслед за этим подписание в 1841 г. Лондонской конвенции о международной регламентации режима черноморских проливов поддерживали уверенность Николая I в прочности и незыблемости отношений с европейскими союзниками, ощущение своего лидерства в политических делах Европы [1, с. 82]. Однако именно последние два события привели к политическому закреплению важных позиций в Турции не столько России, сколько в первую очередь Англии и Франции, которые расширили и подтвердили свои торговые преимущества и получили беспрепятственный доступ на рынок Порты. К этому следует добавить активную колониальную политику двух европейских держав в афро-азиатском регионе в 1830 – 1840-е гг. В этот период Англия расширяла свою экспансию преимущественно в Южной и Юго-Восточной Азии (Индия, Цейлон, Бирма), а Франция проявляла активность на Ближнем Востоке, не только развивая торговлю с Турцией, но и оказывая содействие реформаторской политике султанского правительства, известной как Танзимат. Ещё в 1830 г. Франция осуществила вторжение в алжирские владения османов, с которого началась длительная экспансия французов в Северной Африке, большая часть территорий которой в тот период входила в состав Порты. Такая политика двух крупнейших европейских держав не могла не привести к изменению политической ситуации на континенте и формированию новых целей и задач на ближневосточном направлении, которые, по всей видимости, не в полной мере осознавались правящими кругами России, и в первую очередь императором.

То, что Турция пришла в упадок, было очевидно всем представителям международного сообщества, и в этом отношении точка зрения Николая I по этому вопросу не была оригинальной [2, с. 388]. Однако его попытка обсудить судьбу Османской Порты на предмет раздела её владений с дипломатическим представителем Англии в январе 1853 г., прямолинейные высказывания и оценки на этот счёт, говорившие об уверенности императора в поддержке его предложений со стороны британского правительства, свидетельствовали либо о недооценке российскими правящими кругами новых тенденций в британской политике, либо о расхождении во взглядах на эту проблему с исполнявшим в то

время обязанности министра иностранных дел канцлером К.В. Нессельроде [2, с. 388; 3, с. 142].

Категорический отказ британского правительства в ответ на предложения российского императора, учитывая изменившуюся обстановку в Европе, был ожидаем, так как активная внешняя политика Англии в начале 1850-х гг. ни при каких обстоятельствах не предполагала продвижение России на ближневосточные турецкие территории. Британия, как никто другой, была заинтересована в поддержке территориальной неприкосновенности османских владений, игравших роль защитного барьера на пути распространения российского влияния в восточном направлении.

В этом же контексте совершенно бесперспективной выглядела и попытка Николая I усилить позиции России в Турции через религиозный вопрос, рассчитывая под предлогом своей ответственности как православного государя-императора за судьбы христиан, проживающих в Порте, подтвердить и восстановить привилегии православной церкви [2, с. 389], которые, как справедливо считали российские дипломаты, были нарушены решением турецкого дивана о передаче ключа от ворот Вифлеемского храма представителям католической церкви. Такое решение входило в противоречие с султанским фирманом от 30 января 1852 г., который, казалось бы, подтверждал безоговорочные права православных верующих в этом вопросе. Было совершенно очевидно, что это решение было уступкой Франции, которая, пережив революционные потрясения 1848 г., вступила в период относительной внутренней стабильности и активизировала свою ближневосточную политику. Отправка в феврале 1853 года в Константинополь князя А.С. Меншикова с миссией по заключению договора, призванного предотвратить в будущем любые ущемления прав православной церкви, по определению была провальной. Задачи, которые должен был решить князь, на тот момент были уже невыполнимы, учитывая влияние Англии и Франции на султанское правительство [2, с. 396; 3, с. 16]. А запланированное неофициальное предложение султану заключить тайный оборонительный союз с Россией против Франции выглядело совершенно нереальным и свидетельствовало об отсутствии понимания российской стороной изменившейся международной ситуации [4, с. 32]. Восторженный приём христианским населением миссии князя Меншикова только подлил масла в огонь антироссийских настроений в правящих кругах Англии и Франции. Представители английской дипломатии многократно высказывались по поводу «российского сочув-

ствия к христианам, подданным Турции» в том смысле, что оно вызывает недоверие и подозрение западных стран и что российские требования неизбежно встретят противодействие и могут привести к войне [4, с. 33]. В такой обстановке переговоры А.С. Меншикова успеха не имели и миссия закончилась безрезультатно [4, с. 37]. В сложившейся ситуации российское правительство должно было либо идти на дипломатический разрыв с Турцией, либо начать войну. Самое удивительное, что неудавшаяся миссия не поколебала надежд Николая I на союз с Англией, на полную поддержку Австрии и нейтрализацию Франции. Как известно, этим надеждам не суждено было сбыться, и Россия получила Крымскую войну 1853–1856 гг., в которой против неё объединились ведущие европейские державы, до этого считавшиеся надёжными союзниками российского императора. Фактически его прямолинейные и упорные попытки решить «Восточный вопрос» в рамках устаревшей к началу 1850-х гг. монархической «венской системы» привели к международному военно-политическому кризису, имевшему тяжёлые последствия для России. Именно его уверенность в своей правоте, неосторожные заявления и действия, вкуче с раздражительным характером и непоследовательностью решений, по мнению большинства отечественных исследователей, и привели к войне, во всяком случае дали реальный повод для её начала [5, с. 11].

Крымская война 1853–1856 гг. явилась переломным моментом во взаимоотношениях европейских держав не только к ближневосточному региону, но в первую очередь в их отношениях с Россией. Священный «Венский союз» рухнул, и на первый план вышли два решающих противоречия: первое – это столкновение интересов Англии и России на Ближнем Востоке в борьбе за преобладающее влияние в османских владениях; второе – соперничество Франции и России в вопросе обладания святыми местами в Палестине, которое фактически превратилось в политический вопрос. Николай I, который большую часть своего царствования служил европейским интересам, считая себя ответственным за их реализацию, к концу своего правления столкнулся с единодушным сопротивлением своей политике всех ведущих держав мира.

Руководствуясь задачами «Священного союза», император отодвинул на второй план задачи внутренней политики, недостатки которой высветила лишь неудачная война с половиной Европы. Задачи по их исправлению предстояло решать уже Александру II, годы правления которого – 1855–1881 гг. – открыли новый важ-

нейший этап в российской истории. Параллельно с внутренними реформами Александр II продолжал и ближневосточную политику, в которой после окончания Крымской войны и подписания Парижского мирного договора 1856 г. приоритетной стала проблема черноморских проливов наряду с традиционными религиозно-национальными, материальными и стратегическими интересами России на Ближнем Востоке в целом. В российских правящих кругах и в окружении государя-императора Крымскую войну считали «нелепой» и нисколько не продвинувшей решение «Восточного вопроса» [7, с. 42–43]. Произошла смена в руководстве российской внешней политикой: в 1856 г. место вице-канцлера К.В. Нессельроде занял князь А.М. Горчаков, бывший русский посол в Вене, которого французские историки охарактеризовали как человека блестящего ума, имевшего большой профессиональный опыт и рассматривавшего российскую политику после Крымской войны как процесс «собрания сил» для возвращения России её престижа на Востоке [6, с. 92].

Как это ни покажется странным, уже сразу после подписания унижительного для Российской империи Парижского мирного договора 1856 г. началось российско-французское сближение. Франция, заняв после Крымской войны позицию европейского политического лидера, направила усилия на завершение своих внешнеполитических проектов внутри Европы, в частности на освобождение Италии и приобретение в результате Савойи и Ниццы, для чего французскому императору Наполеону III был необходим нейтралитет России. К этому моменту политики-творцы «Священного союза» уже отошли в мир иной, последний из оставшихся в живых граф Нессельроде, будучи в почтенном возрасте, покинул министерство, а у Александра II, в отличие от своего отца, не было личной неприязни к Наполеону III, к тому же ему нужна была свобода рук на Востоке [8, с. 162]. Компромисс был достигнут по двум позициям: молодой российский император обязался не мешать действиям Наполеона III против Австрии, а Франция со своей стороны давала обещание не требовать от России полного выполнения Парижского мирного договора 1856 г., что и было зафиксировано в специальном соглашении, заключённом в Штутгарте в 1857 г. [6, с. 93].

Однако франко-русское сближение оказалось недолговечным из-за разразившегося в 1863 г. польского восстания, которое привело к разрыву штутгартского соглашения. Именно в начальный период восстания у России появился новый союзник в лице канцлера Пруссии Отто

фон Бисмарка, инициировавшего подписание так называемой Альвенслебенской конвенции от 8 февраля 1863 г., российско-прусского соглашения о совместной деятельности двух государств по преследованию на своих территориях восставших поляков. И хотя это соглашение, вызвавшее дипломатический кризис в Европе, так и не было ратифицировано, оно знаменовало появление нового вектора в российской внешней политике. Отто фон Бисмарк, в то время наиболее активный сторонник идеи объединения германских земель, весьма энергично выражал поддержку русской внешней политике по ликвидации тех запретов, которые были наложены Парижским договором. Им неоднократно высказывалась идея сближения Пруссии и России, которое он обосновывал общностью династических интересов и в котором видел прежде всего будущую гарантию российского нейтралитета в процессе реализации своего объединительного проекта [9, с. 26].

Отмены нейтрализации Черного моря Россия добилась в 1871 г. на Лондонской конференции, когда международная ситуация в Европе кардинальным образом изменилась в связи с объединением германских земель и последовавшей за этим катастрофической для Наполеона III франко-прусской войной. Ещё осенью 1870 г. был разослан специальный циркуляр, в котором император Александр II объявил европейским государствам, подписавшим Парижский трактат 1856 г., о сложении Россией обязательств, принятых после Крымской войны. После подписания Лондонской конвенции в марте 1871 г. Александр II решительно взял курс на восстановление престижа Российской империи на Ближнем Востоке, причём самыми радикальными методами. Его решительность подкреплялась активной позицией русского посла в Константинополе Н.П. Игнатьева, искусного дипломата, сумевшего подчинить своему влиянию не только государя-императора, но и султанское правительство Турции. О его умении обращать любые мелочи и случайности в пользу России в дипломатических и правительственных кругах ходили легенды [10].

Лондонская конвенция 1871 г. разрешила материальные интересы России, чего нельзя было сказать о вопросах религиозных. Поэтому именно религиозные аспекты в 1870-е гг. станут главным стержнем в механизме принятия российских внешнеполитических решений по отношению к Турции. Действуя в русле традиционной политики поддержки православия на Востоке, Россия первая проявила заинтересованность в судьбе балканских христиан и выступила в их защиту, о чём свидетельствовали даль-

нейшие события, в частности восстание в Боснии и Герцеговине 1875–1877 гг. При этом ситуация на Балканах внушала хорошие перспективы для реализации этой политики, так как, по свидетельству современников, христианское население этих территорий численно превосходило мусульманское, имело более высокий интеллектуальный уровень и в культурном отношении тяготело к России [10].

Понятно, что русское правительство сразу натолкнулось на противодействие Англии, которая, с одной стороны, осуждала жестокости турецких властей по отношению к христианам, хотя, по свидетельству современников, религиозный вопрос интересовал её в меньшей степени, а с другой – с необыкновенным упорством защищала на Балканах свои интересы, поддерживая турецкое господство на этой территории [11].

Методы российской политики по защите балканских христиан в 1870-е гг., которые активно поддерживал Александр II, свидетельствовали о том, что государь-император находился в то время под влиянием упомянутого выше Н.П. Игнатьева, который, как известно, являлся сторонником так называемой «национальной» внешней политики, требовавшей активизации действий России на международной арене и отказа от союзов с Германией и Австро-Венгрией. Именно Н.П. Игнатьев выступал за начало войны с Турцией, что категорически не совпадало с осторожными внешнеполитическими установками канцлера Российской империи А.М. Горчакова, стремившегося решать все вопросы в рамках «европейского концерта». Назначение Н.П. Игнатьева посланником в Турцию стало личным решением Александра II.

Ультиматум Порте с достаточно жёсткими требованиями автономии для восставших турецких провинций, европейского контроля над осуществлением реформ и перемирия для Черногории и Сербии, озвученный Н.П. Игнатьевым по прибытии в Константинополь 15 октября 1876 г., имел большой успех у православных граждан Турции, как это было в своё время с князем А.С. Меншиковым, но вызвал тревогу у европейских государств. Александр II был вынужден объясниться с европейским сообществом по поводу своих намерений по облегчению участи христианского населения и отсутствия стремления к завоеванию новых территорий [8, с. 468]. В ответ на российский демарш англичане предприняли безуспешную попытку привлечь Германию в качестве союзника против России, а также в качестве альтернативы российскому ультиматуму выработать условия примирения балканских стран с османским правительством. Однако специально созданная

для этого конференции в Константинополе в декабре 1876 г. успеха не имела.

Как известно, дальнейшие события привели к русско-турецкой войне 1877–1878 гг., которая, по свидетельству очевидцев, началась в обстановке крайне неблагоприятной и с внутренней, и с внешней стороны. И если внутри страны призыв содействовать освобождению «православных братьев» находил отклик среди населения, то внешнеполитическая ситуация делала сомнительным достижение требований российского ультиматума. В докладе высшего военного командования о плане кампании 1876 г. прямо указывалось, что ни одно европейское государство не сочувствовало решению восточного вопроса в российском понимании, несмотря на самые дружественные отношения, все старались противодействовать малейшему успеху России на Балканах [11].

Именно в таком контексте и развивались взаимоотношения России с европейскими партнёрами в период военных действий. Угроза выхода русских войск к Босфору через Адрианополь вызвала в Европе дипломатический скандал, а Турция обратилась к европейским государствам с просьбой о коллективном посредничестве – единственном её спасении в этой ситуации.

Следует отметить, в 1870-е гг., пожалуй, единственным внешним фактором воздействия на общественно-политические настроения в правительственных кабинетах Европы были отношения России и США. Однако здесь надо иметь в виду, что англо-русские противоречия для США были удобным инструментом для давления на Великобританию. Турция же опасалась этого американского давления, в первую очередь с точки зрения прекращения помощи и поддержки со стороны Великобритании, без которой она была не способна противостоять России [12, с. 276]. Не стоит преувеличивать и роль США в поддержке России в период балканского кризиса 1870-х гг. Можно констатировать благожелательную позицию Соединённых Штатов в отношении России в ходе русско-турецкой войны, оказание дипломатической поддержки усилиям России по ограничению Парижского трактата 1856 г., понимание религиозно-нравственных и политических задач российской политики на Балканах [12, с. 277–278]. Примером практической помощи со стороны США стала постройка на американских верфях в 1877–1878 гг. небольшой по численности, но мощной современной эскадры крейсеров для России. Однако никакое давление со стороны США не могло помешать европейским державам, в первую очередь Англии и Австро-Венгрии, созывом Берлинского конгресса в

июне 1878 г. свести на нет все достижения царской дипломатии в решении вопроса о статусе и правах христианского населения Османской империи, зафиксированных в текстах Адрианопольского мира от 31 января 1878 г. и Сан-Стефанского договора [13, с. 747].

Таким образом, смелый демарш, предпринятый Александром II в решении «Восточного вопроса», в очередной раз показал, что личные предпочтения государя-императора в методах осуществления внешней политики без учёта международных реалий не способствовали достижению поставленных целей. Ближневосточный кризис 1870-х гг. и его последствия изменили расстановку сил в регионе, однако российская внешняя политика в последние годы царствования Александра II по-прежнему была направлена на преодоление антагонизма с Англией и сближение с Германией.

Воцарение Александра III (1881–1894 гг.) и время его правления ознаменовались рядом внутри- и внешнеполитических изменений. Своеобразие его внутренней и внешней политики, по нашему мнению, во многом было следствием тех трагических событий, свидетелем которых он оказался, и в первую очередь гибели своего отца от руки террориста-революционера. Раскол в обществе по отношению к реформам Александра II, появление всевозможных антиправительственных заговорщических групп, разгул террора требовали консолидации общества и наведения порядка. Отсюда серия консервативных контрреформ и укрепление и активизация деятельности русской православной церкви под полным контролем государства [14, с. 218; 16, с. 386]. Современники не без иронии отмечали фанатическое служение православной вере всего царского окружения, примером для которого был сам государь-император [15, с. 27].

Внешняя политика Александра III традиционно характеризовалась как «мирное сосуществование», что неудивительно, учитывая безусловно осмысленные им последствия балканского кризиса, продемонстрировавшие наличие практически единого антироссийского фронта в Европе. А военные затраты не лучшим образом сказались на российской экономике и финансах. Очередная перегруппировка сил на европейском континенте в 1880-х гг. привела к оформлению в 1882 г. «Тройственного союза» между Германией, Австро-Венгрией и Италией, что побудило к сближению Россию и Францию, которая предложила российскому правительству заем, оформленный в 1887 г., вслед за чем последовало заключение в 1891 г. оборонительного соглашения и военной конвенции в следу-

ющем 1892 г. Эти события существенно повлияли на ближневосточную политику России. Отныне она должна была осуществляться российской дипломатией при поддержке Франции. Опора на «Союз трёх императоров», затем на союз с Германией ушла в прошлое.

Суть этой политики отражена в инструкциях послам обоих государств в Константинополе, которые были составлены в конце 1891 г. Согласованные действия должны были способствовать сохранению status quo и обеспечивать преобладание русско-французского влияния на султана и его правительство [18, с. 380]. Таким образом, была избрана достаточно осторожная линия поведения, исключавшая какие-либо ультиматумы и активные действия. Это ни в коем случае не означало, что вопрос о черноморских проливах был отодвинут на второй план, он продолжал оставаться главным в российской ближневосточной политике. Однако в то время существовало единое мнение императора и его генерального штаба, что Россия не готова к их захвату. Такая позиция свидетельствовала о смене приоритетов в российских планах в отношении Османской Турции. Если Николай I строил планы расчленения её территорий между европейскими союзниками, Александр II предпринял попытку присоединения ряда приграничных территорий и выхода к Босфору, то Александр III, наоборот, в изменившейся международной обстановке был заинтересован в сохранении целостности Турции как государства, поддерживающего безопасность проливов и барьера на пути к черноморскому побережью России в противовес Германии, резко активизировавшей свою ближневосточную политику.

Была найдена оптимальная в той ситуации форма российского присутствия в Османской Турции. В 1882 г. было создано Императорское Православное Палестинское Общество, призванное наряду с просветительской деятельностью осуществлять заботу о российских паломниках в Палестине [17]. Оно, с одной стороны, способствовало укреплению православия внутри страны, подтолкнув церковнослужителей и простых верующих к паломничеству по святым местам, а с другой – активизировало церковную деятельность за пределами России, одновременно сохраняя присутствие в регионе и возможность получения необходимой информации о развитии событий. Ближневосточный регион в контексте этой политики вновь стал актуальным.

Российские внешнеполитические решения в ближневосточном направлении, разрабатываемые в 1880–1890 гг., как правило, совпадали по времени с крупными международными ослож-

нениями на Ближнем Востоке. Отсутствие у тогдашнего российского правительства какой-либо твёрдой, последовательной линии в отношении Франции вкупе с обозначившимися разногласиями между союзниками, проявившимися в ходе ближневосточного кризиса 1894–1898 гг., привели в конечном счёте к усилению позиций Германии в ближневосточном регионе [19, с. 201].

Однако это не помешало современникам из высших эшелонов российской государственной власти высоко оценить Александра III как значимую фигуру международной политики, несмотря на крайне осторожный внешнеполитический курс [16, с. 387; 18, с. 76]. Можно соглашаться или не соглашаться с подобными оценками, но его очевидная и объяснимая приверженность «мирному сосуществованию» со своими европейскими «визави» действительно обеспечила Российской империи прочное положение на международной арене.

Вступивший на престол Николай II был ещё более консервативен в своих внутри- и внешнеполитических воззрениях, чем его отец. Считая российскую самодержавную систему власти наиболее продуктивной формой государственного правления, он часто в своих решениях по внешней политике руководствовался «монархической солидарностью», стараясь поддержать престиж Российской империи в международных отношениях. А тот известный факт, что государь-император не питал особого интереса к внешней политике, только вносил непоследовательность в его действия. К этому следует добавить, что особой чёткости и последовательности не наблюдалось и в работе министерства иностранных дел, где министры и советники не всегда имели собственное понимание внешнеполитических задач России, существовали разные точки зрения, иногда диаметрально противоположные, что осложняло принятие конкретных политических решений. Однако совершенно очевидно, что дальневосточный регион интересовал Николая II больше других [16, с. 289; 20, с. 35]. Исследователи до настоящего времени спорят о причинах этого предпочтения, оно могло возникнуть и под влиянием императорского окружения, того же С.Ю. Витте, ориентировавшегося на промышленное развитие с использованием внутренних ресурсов страны, и под влиянием группировки в правительстве, представители которой ориентировались в то время на Европу и считали любое проявление российской активности на Ближнем Востоке нарушением европейского «баланса сил», которое может привести к тяжёлым последствиям для России [21, с. 26–27]. С другой стороны, на Николая II могли произвести впечатление

агрессивные действия Японии на Дальнем Востоке в отношении Китая вкпе с не самыми приятными личными воспоминаниями от визита в эту страну ещё в статусе наследника престола, где на него было совершено покушение («инцидент в Оцу» 1891 г.)

Безусловно, существовали и достаточно серьёзные объективные причины, которые при Николае II привели к уходу на второй план Ближнего Востока во внешнеполитической стратегии России. Среди них можно назвать и трудности промышленного развития, кризис государственной финансовой системы, зависимость от иностранного капитала. Но самая главная причина заключалась в невозможности конкурировать в ближневосточной внешней торговле с ведущими империалистическими державами из-за отсутствия современного торгового флота. Дальневосточный регион в этом отношении выглядел предпочтительнее и представлялся более перспективным в силу возможностей развития там ведущих хозяйственных отраслей. Однако ослабление внимания к Ближнему Востоку и переориентация внешней политики при Николае II на дальневосточное направление, как известно, дивидендов России не принесли и привели к поражению в Русско-японской войне 1904–1905 гг.

Всё вышесказанное позволяет сделать следующие выводы.

Своеобразие внешней политики России на Ближнем Востоке в рассматриваемый период заключалось в преодолении сформировавшейся к началу 1850-х гг. антирусской политики европейских держав, которая усилилась во второй половине XIX в. в связи с экономическим ростом русского государства, его территориальной экспансией в восточном направлении и попытками расширения зоны потенциального православия. Именно в этот период происходит обострение «Восточного вопроса» и в этой связи Россия оказывается вовлечённой в международные дипломатические и военные перипетии с европейскими государствами и Османской Турцией.

Россия, как считалось, занимавшая к середине XIX в. прочные позиции на Ближнем Востоке, утратила свои преимущества в результате борьбы с Европой, которая объединилась против неё, используя спор о «Святых местах». Последние годы правления Николая I, недооценённого внешнеполитические устремления Англии и Франции на Востоке, успехи их колониальной экспансии и укрепившиеся позиции в Османской Турции, показали, что так называемая «Венская система» межгосударственных отношений в Европе, сложившаяся после разгрома наполеоновской Франции, стала анахро-

низмом. После Крымской войны 1853–1856 гг. Россия теряет лидирующее положение в международных делах и оказывается в прямой зависимости от позиции ведущих европейских держав.

После Крымской войны в период правления Александра II России удалось «собрать силы» и вернуть утраченные позиции. Однако влияние на государя-императора сторонников радикальных внешнеполитических методов привело к русско-турецкой войне 1877–1878 гг., а отсутствие предварительного анализа расстановки сил в регионе и эйфория от военных успехов не позволили предупредить жёсткую негативную реакцию европейских держав на действия России, не желавших дальнейшего расширения её влияния на Ближнем Востоке и на Балканах.

Ближневосточный курс Александра III, направленный на недопущение втягивания России в какие-либо конфликты и активные действия в регионе и обозначивший российское присутствие только представительством Императорского Православного Палестинского Общества, можно считать разумным и взвешенным, однако с точки зрения укрепления и сохранения позиций в регионе он оказался непродуктивным, так как в конечном итоге открыл дорогу на Ближний Восток Германии.

Последние годы XIX были ознаменованы переориентацией российской внешней политики на дальневосточный регион, что было связано с предпочтениями императора Николая II. Ближневосточное направление вызывало опасения усиления антирусских настроений в Европе, и «Восточный вопрос» был отодвинут на второй план.

В целом, оценивая политику России на Ближнем Востоке во второй половине XIX века, по формальным параметрам, нельзя выделить какие-то её специфические особенности. Она, как и политика других государств, включала практически все методы борьбы за свои интересы – от дипломатических до силовых, включая и религиозный аспект, и экономическую экспансию.

Главная особенность российской политики на Ближнем Востоке во второй половине XIX в., по нашему мнению, заключалась в самом процессе принятия внешнеполитических решений, который напрямую зависел от личного мнения русских императоров и их ближайшего окружения по поводу проблем и задач внешней политики, их представлений о национальных интересах России, симпатий или антипатий к участникам «европейского концерта» и т.д. Именно фактор личного решающего участия верховных правителей России в принятии внешнеполитических решений в целом ряде случаев приводил к ошибкам в выборе союзников, военным пора-

жениям и потере геополитических позиций, как это случилось в последние годы царствования Николая I, или к недооценке реальных внешнеполитических возможностей государства для сохранения и закрепления военных успехов, как это произошло в царствование Александра II, или постепенной утрате позиций из-за опасения военных осложнений в правление Александра III, или, наконец, вообще к отсутствию внятной ближневосточной политики, которое наблюдалось при Николае II.

Список литературы

1. Гирс А.А. Россия и Ближний Восток. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1906. 222 с.
2. Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи современной ей политической обстановкой. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1908. Т. 1. 768 с.
3. Новичев А.Д. История Турции. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. Т. 4. 280 с.
4. Русская политика в восточном вопросе (Ее история в XVI – XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. Т. 1 / Жигарев С. М.: Унив. тип., 1896. 487 с.
5. Тарле Е.В. Сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 8. 561 с.
6. История XIX в. / Под ред. проф. Лависса и Рамбо. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1938. Т. 6. 696 с.
7. Переписка Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. М.: Изд. центр «Терра», 1993. 381 с.
8. Дебидур А. Дипломатическая история Европы. М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1947. Т. 2. 545 с.
9. Бисмарк О. Мысли и воспоминания / Под ред. проф. А.С. Ерусалимского. М.: Гос. соц.-экон. изд., 1940. Т. 1. 349 с.
10. Докладная записка генерала Фадеева о положении в Турции // ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 455. Л. 12.
11. Копия записки генерала Обручева 7/II-1877 г. о плане компании 1876 г. // РГВИА. Ф. 485. Д. 596. Л. 8.
12. Куропятник Г.П. Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи (1867–1881 гг.). М.: Наука, 1981. 374 с.
13. Успенский Ф.И. История Византийской империи XI–XV вв. Восточный вопрос. М.: Мысль, 1997. 829 с.
14. Россия под скипетром Романовых (1613–1913 гг.). М. – СПб.: Интербук, 1991. 239 с.
15. Колосов А. Александр III. Его личность, интимная жизнь и правление. Лондон, 1902. 60 с.
16. Витте С.Ю. Воспоминания. М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 1. 555 с.
17. Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907): историческая записка, сост. по поручению Совета О-ва проф. А.А. Дмитриевским. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1907. 332 с.
18. Ламздорф В.Н. Дневник 1891–1892 гг. / Под ред. Ф.А. Ротштейна. М.–Л.: Академия, 1934. 408 с.
19. Рыбаченок И.С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М.: Ин-т истории СССР, 1993. 351 с.
20. Игнатъев А.В. Своеобразие российской внешней политики на рубеже XIX–XX веков // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 32–43.
21. Тарановски Т. «Европейцы» и «восточники». Как они определяли геополитические интересы России // Родина. 1995. № 8. С. 24–27.

NOTES ON THE SPECIFICS OF THE RUSSIAN POLICY IN THE MIDDLE EAST IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

S.V. Bushueva, M.I. Strukova

The analysis is given and the features of Russian diplomacy in interstate relations in the Middle East in the solution of the «Eastern Question» are revealed. The influence of the main contradictions in the system of international relations in the second half of the XIXth century on Russia's policy in the Middle East region is traced. The influence of the position of the first persons of the Russian state on decision-making in the field of Middle East politics is shown.

Keywords: Russia's Middle East policy, interstate contradictions, «Eastern question», «the problem of Holy Places», the personal factor in making foreign policy decisions.

References

1. Girs A.A. Russia and the Middle East. St. Petersburg: A.S. Suvorin Printing House, 1906. 222 p.
2. Zaiionchkovsky A.M. The Eastern War of 1853–1856 in connection with the contemporary political situation. St. Petersburg: Expedition of procurement of state papers, 1908. Vol. 1. 768 p.
3. Novichev A.D. History of Turkey. L.: Publishing House of the Leningrad University, 1978. Vol. 4. 280 p.
4. Russian policy in the Eastern question (Its history in the XVI – XIX centuries, critical assessment and future tasks). Historical and legal essays. Vol. 1 / Zhigarev S.M.: Univ. type., 1896. 487 p.
5. Tarle E.V. Essays. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. Vol. 8. 561 p.
6. History of the XIX century. / Ed. by prof. Lavissa and Rambo. M.: State Social-economic. publishing house, 1938. Vol. 6. 696 p.
7. Correspondence of Alexander II with Grand Duke Konstantin Nikolaevich. The diary of Grand Duke Konstantin Nikolaevich. M.: Publishing center «Terra», 1993. 381 p.
8. Debidur A. Diplomatic history of Europe. M.:

State Publishing House of Foreign Lit., 1947. Vol. 2. 545 p.

9. Bismarck O. Thoughts and memories / Ed. by prof. A.S. Yerusalimsky. M.: State Social and Economic Publishing House, 1940. Vol. 1. 349 p.

10. General Fadeev's memorandum on the situation in Turkey // SARF. Coll. 677. Aids 1. Fol. 455. L. 12.

11. A copy of General Obruchev's note 7/II-1877 on the company's plan of 1876 // RSMHA. Coll. 485. Fol. 596. L. 8.

12. Kuropyatnik G.P. Russia and the USA: economic, cultural and diplomatic relations (1867–1881). M.: Science, 1981. 374 p.

13. Uspensky F.I. History of the Byzantine Empire of the XI–XV centuries. The Eastern question. M.: Mysl, 1997. 829 p.

14. Russia under the scepter of the Romanovs (1613–1913). M. – St. Petersburg: Interbook, 1991. 239 p.

15. Kolosov A. Alexander III. His personality, per-

sonal life and rule. London, 1902. 60 p.

16. Witte S.Y. Memoirs. M.: Sotsekgiz, 1960. Vol. 1. 555 p.

17. The Imperial Orthodox Palestinian Society and its activities over the past quarter century (1882–1907): historical note, comp. on behalf of the Council of the Society by Professor A.A. Dmitrievsky. St. Petersburg: Type. V.F. Kirshbaum, 1907. 332 p.

18. Lamzdorff V.N. Diary of 1891–1892 / Edited by F.A. Rotstein. M.–L.: Academy, 1934. 408 p.

19. Rybachenok I.S. Alliance with France in Russia's foreign policy at the end of the XIX century. M.: Institute of the History of the USSR, 1993. 351 p.

20. Ignatiev A.V. The originality of Russian foreign policy at the turn of the XIX–XX centuries // Questions of history. 1998. № 8. P. 32–43.

21. Taranovski T. «Europeans» and «Easterners». How they determined the geopolitical interests of Russia // Homeland. 1995. № 8. P. 24–27.